

УДК 81-25

ФОРМЫ ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ¹

Подюков Иван Алексеевич

д. филол. н., ст. научный сотрудник отдел истории, археологии и этнографии
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН РФ
614990, Пермь, ул. Ленина, 13А, podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются виды семантического, фонетического, словообразовательного преобразования заимствованных личных имен в диалектной речи Прикамья. Выявляются функции вариантов форм в общении, описывается набор и продуктивность используемых в говорах словообразовательных формантов и диминутивных суффиксов. Устанавливаются диалектные словообразовательные средства, придающие слову позитивную (ласкательную, уважительную, шутивную) и негативную (фамильярную, ироничную, уничижительную) окраску. Делаются выводы о расширении смыслового содержания имени с помощью вариантов, активном словообразовательном освоении заимствованных имен носителями старообрядческой культурной традиции.

Ключевые слова: региональная антропонимика; варианты личных имен; пермские говоры; средства варьирования имен в диалекте.

Система личных имен определенного периода и конкретного региона признается важнейшим источником информации о культуре и истории народа, о социальной обусловленности языка и направлениях его развития. Изучение региональной антропонимики – одно из активно развивающихся направлений современной ономастики. На материале тамбовской лексики прозвищ и прозваний, тамбовских фамилий строятся региональные исследования А.С. Щербак и Е.В. Жалниной [Жалнина 2012; Щербак, Жалнина 2012]. Е.Ю. Сидоренко исследует тобольская региональная антропонимика [Сидоренко 2005], Л.В. Окуновой – архангельская антропонимика [Окунова 2010]. На местном, диалектном материале полнее раскрывается реальная картина формирования антропонимической системы языка, пути его развития во времени и пространстве.

Принятая в народной культуре система имен для неформального домашнего и уличного общения отличается от официальной (церковной и светской) системы. Русский именник складывался веками и сейчас включает в свой состав дохристианские имена (часто отпрозвищные) и заимствованные имена церковно-книжного происхождения. Достаточно заметной его частью является античный компонент – имена, восходящие к древним греческим теонимам. Христианским в частности стало античное имя *Дионисий* (его носили многие святые, например живший в Афинах священномученик), редкое мужское *Иясон/Ясон* (связано с именем предводителя ар-

гонавтов в древнегреческой мифологии; в начале христианства так звали одного из апостолов и учеников апостола Павла). Архаичные имена из святцев активно включались в пермский именник, например, имя *Дий/Дей*, связанное с именем верховного бога Зевса, отмечено в конце XVIII в. в Карагайском, Чусовском, Чердынском районах; это имя первоженителя получила деревня *Дий* на Колве. К теониму восходит древнеримское имя *Меркурий*, ставшее именем христианского святого, почитаемого в лике великомучеников (в конце XVIII в. использовалось, в том числе в форме *Меркурей*, на территориях Соликамска, Усолья, Чердыни, в Пожве и Сепыче).

Самая большая группа русских имен – это перенесенные на русскую почву имена библейских пророков, предков учеников Иисуса Христа, апостолов, патриархов из византийской эпохи. В святцах представлено большое количество имен великомучеников (*Самон* Исповедник, *Меркурий* Кесарийский, *Варвара* Илиопольская, *Георгий* Победоносец, *Екатерина* Александрийская, *Дмитрий* Солунский, *Пантелеимон* Целитель и т. д.). Наделение ребенка именем святого, память которого отмечалась в день рождения, имело охранительный смысл и было связано с обычаем чтить память людей, погибших за утверждение христианства.

Русский антропонимикон существует в виде множества региональных вариантов. Канонические имена в живой разговорной речи получают народно-разговорные формы, которые в целом

полно представлены в «Словаре народных форм русских имен» А.В. Суперанской (Суперанская 2010). Функционирование имен, в том числе заимствованных, исследовано на материале русских говоров на Украине [Карпенко 1980], говоров Кировской области [Барышникова 1969], ярославских говоров [Кокарева 1998], говоров Свердловской области [Поротников 1979], сибирских говоров [Берестова, Иванцова 2015]. Изучением специфики пермской антропонимики занимается Е.Н. Полякова [Полякова, 2010]. Наши наблюдения о функционировании личных имен в пермских говорах основаны прежде всего на материалах «Словаря имен жителей Пермского края XVI – XVIII веков» Е.Н. Поляковой (Полякова 2007), а также антропонимике Чердынского и Красновишерского районов, отраженной в работе Г.М. Красновой об истории крестьянских и купеческих родов Северного Прикамья [Краснова 2020]. Используются также наши собственные полевые наблюдения, прежде всего, материалы старообрядческого имянаречения в Красновишерском, Чердынском, Чернушинском, Нытвенском, Кишертском и других районах.

Древние заимствованные имена особенно типичны для культуры старообрядчества, ориентированной на прошлое. У носителей старой веры архаичные имена и их варианты отличаются особым разнообразием, оставаясь при этом низкочастотными [Назаров 2009: 96]. Редкое имя *Паригорий* (от греч. *paregoros* ‘утешитель’) зафиксировано нами в с. Кын Лысьвенского района, дано в честь мученика Паригория Самосатского, *Евтифей/Евтихий/Тиша* в Красновишерском районе, *Евтропий/Естрон* в Чайковском районе, *Оксинья/Сина/Синка, Луна/Илуп* от *Лупп* в Кишертском районе. Как указывает И.В. Власова, на Русском Севере, особенно в местах обитания старообрядцев, обнаруживаются особые «антропонимические кусты» с сохранением редких имен: «*Текусы, Марфиды, Зотики, Сосипатры* жили и в 1960-х гг. в вологодском Присухонье... *Текусы* встречались в приуральских (пермских) деревнях еще и в 1980-х гг.» [Власова: электр. ресурс] (имя *Текуса* переводится с древнегреческого ‘мать, рождающая’). Редкие женские имена *Еливерия, Дия, Веналина*, указывающие на старообрядческую практику выбора имен, укорененных в древних священных текстах, отмечены нами в с. Мысы Гайнского района (о расселении старообрядцев, русских и коми-пермяков на территории нынешнего Коми-пермяцкого округа см. [Голева 2019]). Имя *Еливерия*, вероятно, связано с мужским именем *Ливерий* (римский святой, ревностный поборник православия); *Дия* соотносится с именем преподобного *Дия*, прославившегося даром чудотворений; *Веналина*

(*Вена*) – трансформация имени *Веналий* (*Ювеналий*), преимущественно употребляемого среди монахов (женщинам могло даваться лишь в отдельных случаях, например, при монашеском постриге). Особенно значимым у старообрядцев Прикамья было имя христианского мученика *Кирияк/Кириак* (ок. 250 г.); праздник *Кирика* и *Иулитты* в его честь считался серединой лета: *Кирики-Улиты, нельзя работать, надо Богу молиться. Они сердитые живут* (Елога, Юрлинский район). Старообрядцы почитают *Кирика* и *Иулитту* своими покровителями, уподобляя себя таким же, как они, гонимым за веру.

В системе именования у старообрядцев, безусловно, находило отражение религиозное мироощущение, верность традиции, стремление к изоляционизму, своеобразный культ отдельной личности. Если учесть, что между старообрядцами, жившими еще недавно практически во всех районах Прикамья, и нестарообрядцами (мирскими) не существовало глухой стены, избранная староверами система имянаречения была известна и вне старообрядческих говоров. Своеобразным отражением отношения к старообрядцам является деонимизация, переход редких имен в оценочные характеристики. Манефой (изначально имя мученицы) в пермских говорах (как и в ряде других) называют еще нестарую женщину, которая одета по-старушечьи или слишком закутана (также владимирское, нижегородское – СРНГ 17: 359). Вологодская характеристика нелепо одетой женщины *лепестинья* (СГРС VII: 397) связана с именем мученицы, которое, скорее всего, восходит к греческому *Епистимья/Епистима* ‘знающая’ (у него отмечены нетрадиционные сокращенные формы *Луна, Лепестинья*). Оценочный смысл этих названий основан на реакции на необычный для мирских внешний облик старообрядки. Отмеченный и в пермских говорах апеллятив *мастрадия* о привередливом человеке, вероятно, мотивируется старым кержацким женским именем *Мастрада/Мастридия*, которое относилось в прошлом к нелюбимым в разных территориях [Кузнецова 2006: 139]. Уподобление поведения человека с таким именем капризам возникло из внешнего восприятия староверов как людей, многое не принимающих из обыденной жизни (особое отношение к чистоте, к пище, к контактам с людьми и пр.). В оценочное нарицательное слово перешло также имя *Секля* (от *Секлетия/Секлетинья/Сиклета* из *Синклитикия*), которое в пермских говорах используется для характеристики глупой женщины: *Вот секля-та, не может лошадь запрягчи* (Юрич, Карагайский район). Отрицательный смысл слова может быть связан с соотнесением корневой его части с не-

приличным названием женского органа (имя известно и как ироническое рыбацкое название мелкой рыбки-верхоплавки, совпадает по мотивировке со словом *сикушка* ‘о ком-л. маленьком, не имеющем силы’).

Переход в нарицательное демонстрирует форма имени *Галактион/Галахтион/Галах* – пренебрежительно о человеке, который перестал заботиться о себе; о драчливом: *Муж-от у ей галах такой, бьет* (Зубакино, Ильинский район); *Ходит как галах: в рямках, весь оборванной* (В. Мошево, Соликамский район). Имя раньше считалось церковным, и форма *Галах* использовалась как насмешливая оценка представителя духовного звания [Значение фамилии: электр. ресурс], отличающегося и своим образом жизни, и внешним видом. Возможно, справедлива также анонимная интернет-версия, связывающая слово с названием традиционного иудейского права *Галаха*, которым позднее стали называть странствующих раввин – «странных людей в странных одеждах» [Записки православного космополита: электр. ресурс]. Имя *Охреян* (*Ахреян/Окриян*) – народная форма имени *Ефрем* (Суперанская 2010: 64). Негативный смысл этого имени, перешедшего в нарицательное слово, известен давно. В «Исторической повести о взятии Азова» XVII в. так называли изменника, человека, предавшего свою веру и государя, казака-перебежчика (см. подробнее [Сень 2012]). В донских говорах это оценка грязного, оборванного, а также забияки, в пермских говорах – устойчивая характеристика лентяя. Слово *охреян* использовалось как неодобрительная характеристика человека старообрядческой веры по внешним признакам, отмечая человека, занятого не работой, а чтением (по соотношению с автором особенно популярных у староверов книг *Ефрема Сирина*, ср. также пермское *охреянить* ‘сидеть без дела’); недаром с началом Великого поста с его запретами на работы связывалась поговорка *Пришла редька да хрен, да книга Ефрем* (Сепыч, Верещагинский район).

Кроме отмеченных семантических преобразований, для живой диалектной речи характерно чрезвычайно развитое стилистическое и формальное варьирование редких имен. Преобразования имен, которые представляют в том числе модели образования деминутивов, в основном связаны с воздействием на них диалектной фонетики и словообразования. Характерны они и для старообрядческих говоров Прикамья. Известная закрытость старообрядцев, их стремление минимизировать социальные контакты соседствуют с особой общительностью и сплоченностью членов общины, стремлением поддержать друг друга в семье (отсюда обилие ласкательных и ува-

жительных форм имени). По словам старообрядки П.Т. Паршаковой (Талавол, Красновишерский район), ее называли то *Прасковья*, то *Паранья* (*это свои деревенские*), то *Парка* (*за глаза если*). Форму *Паша* чаще использовал муж, а *Паней* называли *кавалеры в молодости*. Нередко та или иная редкая уменьшительно-ласкательная форма могла прикрепиться к человеку на всю жизнь и использовалась в качестве своеобразного прозвища. Таково имя Александры *Шуринка*, образованное с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса: *Моя мама по зимам жила в Перми, у Шуринки, старшей дочери. Баушка Саня Сережку баловала, любила. Все ее и звали Шуринка* (Ножовка, Частинский район).

Исследователями выявляется несколько типов преобразований архаичного личного имени [Ганжина 2015; Карпенко 1980]. На пермском материале эти типы полно описаны Е.Н. Поляковой [Полякова 2010: 135–184]. Среди них есть фонетические преобразования, стилистически в рамках диалектного общения не мотивированные: при освоении могут быть устранены А и Е в начале имени (*Овдоким*, *Ортя* из *Артем*), «исправлено» зияние гласных (*Акинф* из *Иакинф*), стянуты двойные гласные (*Гаврил*). Другие формы таких изменений – дистактная ассимиляция гласных (*Палагея* из *Пелагея*), дистактная диссимиляция гласных (*Орина* из *Ирина*), упрощение групп согласных (*Елистрат* из *Евстрат*), мена звука Ф, когда-то отсутствовавшего в славянских языках (*Хрисан*, *Хрисамп* < *Хрисанф*), мена начального ХР на КР (*Кристина*), мена близких по артикуляции согласных (*Микола* из *Никола*), появление вставного звука (*Липат* из *Ипат*) и пр.

Как в начале и внутри основы имени, так и в конце возможны усечения (*Устин* < *Иустин*, *Родион* < *Иродион*, *Улита* < *Иулитта*; *Ведикт* < *Венедикт*, *Еким* < *Евдоким*; *Клемент* < *Клементий*, *Парфен* < *Парфений*). Усечения приводят к упрощению слоговой структуры (обычно трехслоговое имя становится двуслововым, реже однослововым), при этом они сопровождаются включением в слово окончания *-а* (*Мартя* из *Мартемьян*, *Ера* из *Ерасим/Герасим*, *Ватя* из *Савватий*, *Еля* из *Елисей*, *Лазя/Заря* из *Лазарь*, *Гóря/Гóра* из *Егор*, *Капа* из *Капитолина*, *Еня* из *Евгения*, *Грапа* из *Агрипина*, *Кея* от варианта *Евдокея* из *Евдокия*, *Сима* из *Серафима*, *Федя* и *Дося* из *Феодосья*, *Фета* из *Фетинья/Фотинья*, *Пана/Паня* из *Прасковья*, *Гутя* из *Августина/Августа*, *Фотя/Потя* из *Ефросинья*). Часто при этом финальные сочетаний типа *-ня*, *-ка* воспринимаются как форманты (*Флегонт* – *Гоня*, *Енька* – *Евгения*), т. е. усечение имени сопровождается его осложнением, наращением осно-

вы. Прибавляется к усеченной основе псевдоформант *-он*, придавая форме имени архаический облик: *Самон* из *Самойло* от *Самуил*; морфемное «выравнивание» осуществляется на фоне канонических форм других имен (*Агафон*, *Спиридон*, *Харитон* и др.). Традиционно такие финальные форманты определяются как антропонимические суффиксы, хотя многие из них точнее назвать псевдоморфемами (определение И.М. Ганжиной [Ганжина 2013]): их значение не всегда очевидно, а стилистическая окраска достаточно диффузна. Такого рода элементы значимы не столько как самостоятельные единицы, а именно как средство грамматической ассимиляции иноязычных имен.

Наиболее распространенный способ создания уменьшительно-разговорных форм – использование суффикса *-ка* (часто воспринимается как *-ко*, поскольку неударное А близко к О). Усложнения имени с наращиванием этого суффикса фиксируются в случаях *Тихонко* (*Тихон*), *Дейко* (*Дей/Дий*), *Егорко*, *Ерасимко* (*Герасим*), *Самко* (*Самон*), *Конко* (*Конон*), *Лазько* (*Лазарь*). Многие формы типа *Юшка* (*Юрий*), *Стенка* (*Степан*), *Сенка* (*Семен*, из *Семка*), *Елька* (*Елисей*) при этом дополнительно претерпевают сокращение в основе. Суффикс *-к(а)* в силу его высокой активности не придает имени уничижительного значения (частично оно может ощущаться у образований с дополнительным сокращением основы); известно, что вплоть до XVII в. этот суффикс был стилистически нейтральным, уменьшительным. В говоре он и сейчас остается более нейтральным, чем в литературном языке, где за ним при обозначениях лиц с низким социальным статусом был закреплен уничижительный смысл.

По мнению А.Ю. Карпенко [Карпенко 1980: 104], высокочастотен в говорах и суффикс *-ша*: *Тихон* (*Тиша*), *Матюша* (*Матвей*), *Лепеша* (*Лепестинья*), *Агаша/Гаша* (*Агафья*), *Зойша* (*Зоя*), *Паша* (*Прасковья*), *Феша* (*Фетинья*). Формы на *-ша*, как отмечает А.В. Суперанская (Суперанская 2010: 34) в прошлом были типичны для Новгородского края: *Павша* (*Павел*), *Парша* (*Парамон*). Заметное место среди суффиксальных демунивативов занимает модель образований на *-ня*, формант, который считается заменителем суффикса *-ша* и «создан специально для удлинения антропонимического ряда» [там же: 104]. С ним образуются формы как мужских, так и женских имен: *Игоня* (*Игнатий*), *Проня* (*Проход*), *Самуня* (*Самон* от *Самуил*), *Тюня* (из *Федюня* от *Федор*), *Феня* (*Феодосья*), *Паня* (*Прасковья*), *Лидя* (*Лидия*). Уменьшительно-ласкательное значение (как в *сестра – сестрица*) придает женским именам суффикс *-ц(а)*: нищая *Устиница*, нищая *Ксеньица*, вдова *Анисьица* (вдова *Кателиница*,

Марфица, *Пелагеица*, *Евросиньица*, *Еленица*, *Анница*, *Федосьица*, *Мариньица*, *Прасковьица*, *Пелагеица*). Судя по контекстам (см., например: Полякова 2007: 54), формы *Акилиница* (из *Аквилина*, родственное *Акулина*), *Фитиница* (*Фотинья*, *Фетинья*), *Александрица*, *Антонидица*, *Анфимица*, *Афросиньица*, *Домница* (от *Домна*) используются для подчеркивания особого социального статуса носительниц имени и особого к ним отношения.

Шутливый смысл придает имени единичный суффикс *-и(е)* (*Вание* от *Ваня*), грубоватую фамильярность выражает редкий суффикс *-ил(а)* (*Карпила* от *Карп*). Наделен увеличительным смыслом формант *-ван* (*Петрован*), известно его применение для оценки хитрого в нарицательных словах (*хитрован*), для подчеркивания отличительных признаков (*Белован* о блондине, *Чернован* о чернявом). Суффикс *-ец* в языке образует существительные со значением лица, характеризующегося каким-либо свойством (*глупец*, *упрямец*) или используется как суффикс субъективной оценки (*брат – братец*). В ряде случаев он включается в имя, придавая ему некоторую уничижительность или фамильярность: *Максимец*, *Иванец*. Большую фамильярность придает именам формант *-х(а)*: *Степах* от *Степанида*, *Матреха* от *Матрена*, *Тереха* от *Терентий*, *Натаха* от *Наталья*. Уменьшительный смысл носят формы на *-ок* *Марчок* (от *Марк*), *Ортычок* (от *Артем/Ортя*), *Юрок*, *Ванёк*. Шутливые формы имени (с оттенком неодобрительности) создает суффикс *-ч(а)*: *Иванча* (*Иванчо*) от *Иван*, *Анча* от *Аня*, *Маньча* от *Маня*, *Борча* от *Борис*, *Варча* от *Варвара*, *Шурча* от *Шура*. Суффикс отмечен в диалектной речи: нарицательным существительным он придает неодобрительное значение, ср. *выдумча – Алешка выдумча, все время маму разыгрывает* (Чернушка). Еще более категорично отрицательная оценка выражена в вариантах *Ваняй*, *Васяй* с суффиксом *-ай/яй*, ср. в нарицательном *придурай* о ведущем себя непредсказуемо, в формах на *-тё* (*Ваньтё* от *Ваня*).

Диалектная речь характеризуется большим количеством морфологических и словообразовательных элементов, используемых для образования форм имени. С их помощью осуществляется грамматическая ассимиляция иноязычных имен, создаются формы, отличающиеся эмоциональными оттенками. Множественность обозначений именем одного и того же лица в различных ситуациях проявляется в наличии вариантов определенного крестильного имени с положительной или отрицательной оценкой. Разнообразие этих вариантов ведет к расширению смыслового содержания имени. Несущие на себе яркий отпечаток народной культуры диалектные формы

имен – не просто факт речевого творчества и стилистики диалектной речи, они отражают характерное для деревенского мира в целом и для старообрядчества в том числе повышенное внимание к отдельной личности, объективируют черты языковой личности носителя диалектной речи.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Список словарей

Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. Т. VII. 400 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1983. Вып. 17. 383 с.

Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 368 с.

Список литературы

Барышникова Э.Д. Трансформация личных собственных имен иноязычного происхождения и формы от них в говорах Кировской области // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Филология. 1969. Вып. 8. № 80. С. 68–74.

Берестова Е.А., Иванцова Е.В. Лексикографическое представление системы антропонимов диалектоносителя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 164–173.

Власова И.В. Особенности антропонимии у Вологодского сельского населения // Культура.РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/materials/32915> (дата обращения: 09.09.2020).

Ганжина И.М. О нулевой суффиксации а антропонимическом формообразовании // Вестник ТвГУ. Филология. 2013. Вып. 4. С. 142–146.

Ганжина И.М. Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период: имена на *-õ (-ь, -о) // Вопросы ономастики. 2015. № 1. С. 165–174.

Голева Т.Г. Старообрядцы на территории Коми-Пермяцкого округа // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 46–60.

Жалнина Е.В. Тамбовские фамилии с диалектной основой как источник изучения регио-

нального антропонимикона // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 6(10). С. 209–213.

Карпенко А.Ю. Деминутивное атропонимическое словообразование (на материале русских говоров юга Украины) // Вопросы ономастики. 1980. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. С. 99–110.

Кокарева И.П. Ономастикон одного ярославского говора (села Исаково, деревень Мятлево и Пустынь Первомайского района): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 16 с.

Краснова М. К истокам чердынских и вишерских фамилий. Красновишерск, 2020. 594 с.

Записки православного космополита (Кто такие галахи? Sep. 21st, 2011 at 3:42 PM) // LIVEJOURNAL. [Электронный ресурс]. URL: <https://father-kot.livejournal.com> (дата обращения: 09.09.2020).

Кузнецова Я.Л. Женский антропонимикон старообрядцев Исетской волости конца XI–X вв. // Вестник Тюменского университета. 2006. Вып. 7. С. 138–141.

Назаров А.И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.

Окунева Л.В. Антропонимия как источник изучения региональной языковой картины мира: на материале архангельских памятников деловой письменности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2010. 23 с.

Полякова Е.Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. Пермь, 2010. 277 с.

Поротников П.Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 5–28.

Сень Д.В. Ахреяне: из истории происхождения и бытования термина // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 2012. С. 167–177.

Сидоренко Е.Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 22 с.

Значение фамилии // NEOLOVE: сообщество хороших женщин. [Электронный ресурс]. URL: https://names.neolove.ru/last_names/3/ga/galakhov.html (дата обращения: 09.09.2020).

Щербак А.С., Жалнина Е.В. Региональная антропонимика – составная часть ономастики // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 42–47.

FORMS OF PERSONAL NAMES IN PERM DIALECT SPEECH

Ivan A. Podyukov

Professor, History, Archaeology and Ethnography Department

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The paper considers types of semantic, phonetic and derivational changes of loan personal names in Prikamye dialect speech. The functions of variant forms of personal names in communication are discussed; the set and productivity of derivational formants and diminutive suffixes used in subdialects are described. Dialect derivational means that give a word positive (tender, respectful, joking) and negative (unceremonious, ironic, humiliating) connotation are revealed. The authors draw the conclusions about broadening the meaning of a personal name with the help of its variants, as well as about active derivational use of loan personal names in the Old Believers' cultural tradition.

Keywords: regional anthroponymy; variants of personal names; Perm dialects; means of word variation in a dialect.